

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Анисимова М.В. — Феномен ленинградских военно-бытовых музеев в первые десятилетия советской власти // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.5.43662 EDN: RMCTOT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43662

Феномен ленинградских военно-бытовых музеев в первые десятилетия советской власти

Анисимова Маргарита Вячеславовна

ORCID: 0000-0002-3674-5210

аспирант, кафедра истории западноевропейской и русской культуры, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9

✉ anisimovamarg@gmail.com

[Статья из рубрики "Историческая память"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.5.43662

EDN:

RMCTOT

Дата направления статьи в редакцию:

28-07-2023

Аннотация: После 1917 г. в нашей стране получили широкое распространение историко-бытовые музеи. Существовали также проекты военно-бытовых музеев, являющиеся предметом исследования настоящей статьи. В 1919–1927 гг. в Петрограде (Ленинграде) существовала Секция по делам военных музеев при Народном комиссариате просвещения, деятельность которой была направлена на сохранение военно-музейного имущества и разработку проектов по созданию единого военного музея, предполагавших создание бытового отдела. Однако предложенные идеи оказались несвоевременными, и Секция была распущена. Но уже в 1930 г. в составе военного ведомства был организован Военно-историко-бытовой музей, просуществовавший в течение 7 лет, а затем вошедший на правах отдела в состав Артиллерийского музея. Впервые рассматривается состав и деятельность ленинградской Секции по делам военных музеев, сотрудниками которой являлись бывшие офицеры Российской императорской армии, организаторы полковых музеев, военные историки, архивисты, писатели, коллекционеры, пытавшиеся увековечить память о Первой

мировой войне и способствовать сохранению дореволюционной военной истории. Продолжение развития данных идей приходится на 1930-е гг. благодаря новому поколению военнослужащих, осознавшему важность музеефикации историко-культурного наследия, и созданию Военно-историко-бытового музея. Анализ некоторых сохранившихся экспонатов, впервые вводящихся в научный оборот, позволяет сделать выводы об особенностях комплектования коллекций. На основании архивных источников в статье показывается, как история музейного дела отражает социокультурные изменения в стране.

Ключевые слова:

военно-бытовой музей, историко-бытовой музей, Секция военных музеев, Военно-историко-бытовой музей, полковые музеи, Интендантский музей, Артиллерийский исторический музей, Военно-медицинский музей, Потоцкий, Габаев

Современная «Российская музейная энциклопедия» включает в профильные группы исторических музеев историко-бытовые и военно-исторические [1], однако в первые послереволюционные годы существовали также различные проекты организации военно-бытовых музеев. События 1917 г. вызвали, кроме прочего, кардинальную перестройку отечественной музейной сети. Появилось большое количество новых музеев, включая значительную группу историко-бытовых, открытых в великолкняжеских и дворянских особняках, большинство из которых были сосредоточены в Петрограде – бывшей столице империи. Их устроители преследовали важные цели: сохранение коллекций, поиск путей актуализации собраний и методов экспонирования.

Иначе дела обстояли с музеями, ранее входившими в состав военного ведомства. В царской России они составляли самую значительную группу, только количество музеев полковых частей превышало 300. Первые попытки сохранения военно-музейного имущества были предприняты в начале 1918 г. благодаря усилиям специальной комиссии под руководством В. Е. Гущика: на территорию Кронверка были перемещены коллекции более 40 полковых музеев [2, с. 207]. Однако впоследствии часть экспонатов была передана в Москву [3, л. 16], часть выдана красноармейцам для улучшения бытовых условий, часть слита с коллекциями Артиллерийского музея [4, с. 100-101]. Несмотря на это, задачи, поставленные перед комиссией, были выполнены в течение 1918 г.

После спасения от утрат и распыления некоторых коллекций встал вопрос о дальнейшем пути развития военных музеев. Часть из них оказалась в подчинении Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен): Артиллерийский и Военно-морской музеи, а также Музей военно-морского училища.

Однако большая часть военных музеев оказалась без ведомственной принадлежности, среди них Музей военно-учебных заведений старого времени в Меншиковском дворце, Интендантский, Суворовский, музей великого князя Михаила Николаевича, музей Мировой войны и Знаменное отделение, историко-бытовые фонды полковых музеев, центральный и детско-сельский военно-музейные фонды [5, с. 67-68]. Для упорядочения работы в июле 1919 г. они перешли в ведение Петроградского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Общее научное руководство над всеми военными музеями стала осуществлять созданная при Музейном отделе Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) Секция по делам военных музеев [6, л. 6]. На

должность руководителя был назначен военный историк А. К. Баиов. Однако уже осенью 1919 г. он примкнул к армии Н. Н. Юденича и впоследствии эмигрировал в Эстонию. Новым председателем был избран П. П. Потоцкий – организатор полкового музея I Артиллерийской бригады.

В состав Секции вошли историки, архивисты, устроители полковых музеев из числа офицеров бывшей императорской армии, что оказало огромное влияние на характер ее деятельности. Членами Секции в 1919 г. являлись геральдист и коллекционер Н. А. Типольт, устроитель музея лейб-гвардии Саперного батальона, военный архивист Г. С. Габаев; специалист по вексиллогии, геральдике и нумизматике П. И. Белавенец; военный историк Б. Н. Ризников, военные писатели В. В. и Н. П. Жерве^[7, л. 34-34 об.]. Однако Секция по делам военных музеев уже в 1922 г. была выведена из штата Музейного отдела Наркопроса, продолжив существовать благодаря личной инициативе членов под названием Совещания военных музеев.

Сотрудники Секции (Совещания) занимались вопросами организации единого военного музея. Идея по устройству объединенного музея, рассказывающего о военной истории России, возникла в начале XX в., но не была реализована ввиду недостатка финансирования и внешне- и внутриполитических обстоятельств ^[8, с. 167-168]. Работники Секции, бывшие кадровые офицеры, принимали участие в Первой мировой войне, в связи с чем главной задачей нового объединенного музея должно было стать увековечение памяти о ней. Таким образом, недавно закончившаяся Великая война выступала объединяющим фактором для офицерской корпорации, а единый военный музей должен был выполнять роль универсального мемориала, легитимизирующего память о войне.

Председатель Секции по делам военных музеев П. П. Потоцкий в 1919 г. представил свой проект организации единого военно-исторического музея, состоявшего из трех больших отделов ^[9, л. 11-12 об.]. Первый из них – выставочная часть – предполагала формирование трех разделов. Исторический раздел должен был быть организован по эпохам, соотносящимся со временем царствования российских императоров, а экспонаты – отражать значительные военные сражения и персоналии полководцев. Второй раздел предполагал презентацию крупной военной техники, вооружения, военно-санитарное оснащение войск. Последний раздел получил название бытового и был призван реконструировать полковые музеи, представляющие собой памятные комнаты, и предполагал сменяемость экспозиций.

Научный резерв представлял собой второй отдел будущего музея, дополняющий выставочную часть, который предполагал такое же разделение по хронологическому принципу. Из представленного проекта остается неясным отбор экспонатов в научный резерв, «которые не могут прибавить ничего с точки зрения исторической обрисовки каждой эпохи в показательной части музея, но и в то же время являются в дополнение к находящемуся в этой части музея» ^[9, л. 11 об.]. Вероятно, данный раздел можно соотнести с научно-вспомогательными фондами современных музеев. Третий отдел, представлявший собой запасной фонд, по всей видимости, должен был составить дублетный фонд для обмена предметами с невоенными музеями. Кроме того, в состав единого военного музея должны были входить архив, библиотека, лекторий, реставрационная мастерская, собственное издательство и фотомастерская.

Коллекции полковых музеев должны были составить основу для бытового раздела, ввиду чего следует рассмотреть подробно, какие именно экспонаты входили в их состав. В

1919 г. была составлена опись полкового имущества, благодаря которой можно определить основные группы экспонатов. Они включали в себя: портреты и гравюры, обмундирование и снаряжение (форму одежды, седла, патронташи, снаряды, знаки различия); альбомы, бювары, блокноты, тетради, брошюры, книги, архивные дела; подарки от высочайших лиц (реликвии, знаки отличия, кубки); церковное имущество полковых частей (ризы, киоты, образа, облачения священнослужителей); знамена, оружие; бюсты, барельефы, горельефы, медали [10, л. 2-2 об.]. Таким образом, в презентации полковых музеев «быт» рассматривался не как предметы утилитарного характера, применявшиеся в походной или повседневной жизни, а как предметы живописи, декоративно-прикладного искусства, культа, жалованные регалии, образцы обмундирования, снаряжения, оружия. Первый послереволюционный проект военно-исторического музея предполагал, таким образом, консервацию памятных комнат, а не их переосмысление с учетом требований нового времени.

Следующий проект был представлен Г. С. Габаевым на Петроградской музейной конференции 1923 г. и предполагал не только историю российской императорской армии, но и развитие советской армии и ее вооружения и техники. По мнению автора проекта, создаваемый музей должен был быть не военно-историческим, а военным [9, л. 13]. Для этого он предлагал провести инвентаризацию экспонатов во всех военных музеях и разделить их на несколько групп, среди которых:

1. материально-организационная, включающая схемы и диаграммы по истории организации вооруженных сил в стране, снаряжение и обмундирование, вооружение, санитарное снабжение;
2. военной техники с разделением по родам войск;
3. истории военного искусства с фотографиями и схемами организации воинской службы в зависимости от эпохи;
4. военно-исторические памятники, а именно высочайшие подарки, регалии, взятые в боях трофеи, портреты военачальников;
5. военно-бытовые памятники, «иллюстрирующие обучение и подготовку войск» [11, с. 26–27]. Сохранившийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки вариант проекта поясняет, что в состав данной группы должны войти «бывшие полковые музеи, с сохранением в своем составе всего специфически полкового» [12, л. 7].

Предложенную Г. С. Габаевым унификацию экспонатов всех военных музеев можно считать трудновыполнимой. Очевидно, что они отличались по характеру и организации фондовых коллекций. Кроме того, в проекте 1923 г. преобладает иллюстративный материал (чертежи, схемы, диаграммы), который и при формировании коллекций, и при организации экспозиций должен оставаться вспомогательным, дополняя тему, а не заменяя ее собой.

В целом, оба представленных проекта нуждались в дополнительной разработке видов структурных подразделений и их функций, в конкретном плане комплектования фондовых коллекций, а также в концептуальном обосновании деятельности с учетом текущей политической обстановки. Тем не менее, данные проекты можно рассматривать в качестве первых шагов на пути к организации единого военного музея.

К 1925 г. сотрудниками Секции (Совещания) был разработан новый проект,

предпринимавший попытку окончательно разделить военные музеи по ведомственной принадлежности. Музеи, находящиеся в ведении Наркомвоена, получали названия военно-технических и специальных. Музеи, относящиеся к Наркомпросу, именовались военно-бытовыми. Для них отводился Инженерный замок, где планировалось разместить художественные коллекции: картинные галереи, графику, скульптуру, а также образцы обмундирования, снаряжения и памятные подарки. Здесь сосредотачивались коллекции следующих музеев: полковых, Суворовского, Интендантского, военно-учебных заведений старого времени, Михаила Николаевича, Мировой войны, а также коллекции военного отделения Государственного музейного фонда [9, л. 6 об.]. В случае неполучения Инженерного замка для размещения коллекций Интендантский музей преобразовывался в музей обмундирования и снаряжения и развертывался на месте [13, с. 94], а временные выставки бытового отдела могли проводиться в помещениях Суворовского музея [9, л. 7 об.].

Таким образом, из музеев Наркомпроса организовался бытовой отдел, «где разрез по каждой исторической эпохи должен давать яркую картину ужасов войны и гнета милитаризма сообразно с политикой, экономикой и культурой эпохи» [9, л. 9]. В отсутствии четкой структуры и проработанных тематико-экспозиционных планов, сложно делать выводы о будущем устройстве военно-бытового отдела. Однако из предлагавшегося разделения экспонатов на военно-технические и военно-бытовые вряд ли можно было организовать полноценную экспозицию, для которой необходим разнообразный материал, дающий целостную характеристику вопроса.

К середине 1925 г. Народный комиссариат просвещения признал идею создания объединенного военного музея несостоятельной, что было обусловлено недостатком финансирования. Более того, сотрудникам Секции сообщили о том, что сохранить за Наркомпросом попечение о нынешних военных музеях и фондах, не удастся. Г. С. Габаев начал разработку проекта включения военно-бытового имущества в состав Государственного Русского музея на правах отдела [14, л. 3 об.], который также не увенчался успехом.

Сохранение памяти о военных подвигах прошлого являлось функцией военного ведомства, которая получила развитие на рубеже XIX–XX вв. в виде создания полковых музеев и исследований по истории воинских частей и была направлена на консолидацию офицерской корпорации. Ввиду отсутствия преемственности между старой и новой армией после 1917 г. данная функция оказалась утраченной военным ведомством, однако ее продолжили выполнять бывшие офицеры российской императорской армии, объединенные Секцией по делам военных музеев. Ее сотрудники приняли на себя обязанности по увековечению памяти о Первой мировой войне и созданию единого военно-исторического музея. Однако разработанные ими проекты оказались несвоевременными. В апреле 1926 г. был арестован заведующий Интендантским музеем Б. Н. Ризников, в июне – Г. С. Габаев, в сентябре отстранен П. П. Потоцкий [14, л. 25 об.]. В 1927 г. Секция по делам военных музеев прекратило свою деятельность. Последний сохранившийся журнал заседаний датирован 19 мая 1927 г. [15, л. 40].

В 1927 г. все военные музеи отошли в систему Наркомвоена, а в марте 1930 г. в составе Политического управления Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) был основан Военно-бытовой, переименованный в мае в Военно-историко-бытовой музей. Основу его коллекций составили фонды музеев, ранее располагавшихся в ведении Наркомпроса [16, л. 1, 3]. Новый музей расположился на территории Кронверка в нескольких помещениях,

непригодных для хранения экспонатов, с протекающей крышей и без отопления [17, л. 5], где ремонт не проводился в течение 30 лет. В 1932 г. канцелярия музея была переведена в Дом Красной Армии на проспекте Володарского (совр. Литейный). В Кронверке для охраны экспонатов и наблюдением за противопожарной безопасностью оставался сторож [16, л. 18]. Состояние Военно-историко-бытового музея нашло отражение в воспоминаниях М. Ф. Косинского, ставшего сотрудником в 1934 г.: «Я увидел даже не склад, а скорее свалку, для отвода глаз названную тоже «музеем». <...> Музею отпускались ничтожные средства, которых едва хватало на оплату немногих сотрудников и на текущие расходы.<...> Средств на ремонт помещений, не говоря уж о реставрации и консервации экспонатов, выделено не было» [18, с. 152].

Тем не менее, работа по научной инвентаризации проводилась [19, с. 19], что также подтверждается сохранившимися маркировками и сквозной нумерацией на музейных предметах. К 1937 г. было учтено около 17,5 тысяч экспонатов из общего количества 100 тысяч [17, л. 5]. Фонды были организованы по источнику поступления: михайловский, знаменный, суворовский [19, с. 19].

Происходило также и комплектование фондов экспонатами, отражающими быт новой армии: в 1933–1937 гг. количество музейных предметов увеличилось на 20 тысяч единиц. Сохранившаяся архивная документация не позволяет дать им подробную характеристику, однако в этом могут помочь некоторые экспонаты – например, комплект ситуационных фотографий «Из жизни, быта и учебы РККА», в настоящее время находящийся в фондах Военно-медицинского музея МО РФ [20]. Многие из фотографий имеют несколько маркировок: сквозную нумерацию и чернильные штампы Военно-историко-бытового музея. Особый интерес среди них представляют фотографии потребительских обществ, организованных в Ленинградской области. В середине 1920-х гг. потребительские общества брали шефства над воинскими частями и детскими домами, участвовали в агитации против безграмотности. На заседании правления Петергофского потребительского общества 12 февраля 1926 г. было принято решение о вовлечении военнослужащих в кооперацию [21, л. 30], что нашло отражение в данном комплекте фотографий. Обществом были организованы красноармейские столовые и чайные, магазины и лавки, детские комнаты, книжные киоски. Следует также отметить и точечные проколы в углах паспорту. Возможно, фотографии могли использоваться на отчетных выставках, посвященных работе обществ. В указанном комплекте присутствуют также групповые фотографии слушателей семинарии безбожников при Доме Красной Армии и флота и Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава (АКУКС) для политработников.

Несмотря на отсутствие постоянной экспозиции, коллекции Военно-историко-бытового музея в начале 1930-х гг. неоднократно экспонировались на выставках в Доме Красной Армии в Ленинграде и в Центральном музее РККА в Москве: «Жизнь и быт иностранных армий» (1931), «Гражданская война» (1932), «КВЖД» (1932), «К XV-летию РККА» (1934). Производились также выдачи в музеи Ленинграда: Государственный Эрмитаж, Русский музей, Государственный музей революции и его филиал усадьбу «Грузино», Государственный музей этнографии, в пригородные дворцы-музеи, а также в костюмерные мастерские при киностудиях и театрах [22, л. 21-22 об.].

В 1933 г. была создана специальная комиссия для оценки состояния и экспонатов Военно-историко-бытового музея, которая сочла возможным вновь обратиться к созданию военно-исторического музея. Главным отличием нового проекта являлся его

закрытый тип. Таким образом, новый музей должен был помогать военнослужащим Красной Армии перенимать дореволюционный опыт. Отдельно указывалось, что «экспозиция и подбор материала должны быть построены на строго проверенных научных источниках, на основе марксистско-ленинской методологии». Недостаток помещений было решено восполнить при помощи здания Суворовского музея, занятого Осоавиахимом [17, л. 6-7].

Коллекции Военно-историко-бытового музея для систематизации фондов и устройства экспозиции комиссия разделила на группы, по некоторым из них сразу были приняты решения.

1. Форма одежды. В данной группе должны быть отобраны лучшие образцы отечественного обмундирования для сохранения, остальные – переданы театру Ленинградского военного округа для использования в постановках и Военно-хозяйственному управлению для реализации. Иностранные обмундирования предполагалось к использованию в выставочных целях.
2. Живопись и графика;
3. Скульптура;
4. Конское и людское снаряжение;
5. Знамена;
6. Из книжного фонда составить справочную библиотеку, восстановить одну офицерскую и одну солдатскую библиотеки, относящиеся к определенной эпохе.
7. Альбомы должны быть полностью сохранены для устройства экспозиций. Из отдельных фотографий выделить самые ценные, остальные передать для реализации.
8. Ордена, медали, знаки полагалось сохранить полностью.
9. Архивный материал частично передать в архивные учреждения.
10. Реликвии, подарки, сувениры.
11. Из предметов культа сохранить один комплект предметов богослужения для использования на выставках, остальное реализовать, обратив на политico-просветительные нужды Ленинградского военного округа.
12. Негативный фонд полагалось сохранить полностью.
13. Суворовский фонд полагалось сохранить полностью и организовать суворовский уголок, где сосредоточить графические и письменные материалы по эпохе Суворова.

До развертывания полноценной экспозиции необходимо было провести инвентаризацию и составить полные описи, выделить ценный материал и законсервировать его на длительный срок, остальные предметы передать на реализацию [17, л. 10-17].

Новый проект военно-исторического музея также остался только на бумаге, никакие дальнейшие шаги по его реализации не были предприняты. Однако в данном случае интересно время, выбранное для очередной попытки вернуться к идеи о создании военного музея. Начальником Военно-историко-бытового музея и одним из участников данной комиссии являлся Т. И. Воробьев, призванный на службу в 1918 г. Во время Гражданской войны он сражался на стороне большевиков, после ее окончания закончил

Архивный институт, увлекался военной историей и был знатоком военной деятельности А. В. Суворова [18, с. 152–153]. Таким образом, можно сделать вывод о возвращении функции сохранения памяти к военному ведомству благодаря новому поколению военнослужащих, осознавшему преемственность двух армий и необходимость обращения к военной истории дореволюционного периода. Подтверждение этому можно увидеть и в необходимости организации «суворовского уголка». Вероятно, благодаря стараниям Т. И. Воробьева.

Финансирование Военно-историко-бытового музея, которое на протяжении нескольких лет было практически остановлено [22, л. 91], не позволило развернуть полноценную экспозицию, и в июне 1937 г. он вошел в состав Артиллерийского музея в качестве Исторического отдела. Подобное укрупнение было направлено на решение текущих задач. В первую очередь, Артиллерийский музей обладал действующей экспозицией, на которой можно было представить экспонаты Военно-историко-бытового музея, а также располагал штатом научных сотрудников, необходимых для инвентаризации и систематизации фондов. Кроме того, не нужно было организовывать транспортировку коллекций, поскольку оба музея располагались на территории Кронверка.

Военно-историко-бытовой музей существовал в 1930–1937 гг. в закрытом виде, не получив возможности устроить экспозицию. Его организация была прямым следствием работы, проводившейся Секции по делам военных музеев Музейного отдела Наркомпроса. Однако от проектов 1920-х гг. Военно-историко-бытовой музей отличался. Анализ некоторых сохранившихся экспонатов указывает, что комплектование фондов происходило при помощи музейных предметов, фиксирующих быт военнослужащих современной, послереволюционной страны. Изменился и подход к оценке предметов быта: в первой половине 1920-х гг. они воспринимались как экспонаты, несущие высокую художественную или мемориальную ценность, в 1930-е гг. – как несущие утилитарную функцию, действительно употреблявшиеся в военной среде. Таким образом, было преодолено законсервированное состояние военных музеев, в котором они находились в течение первого послереволюционного десятилетия.

Отличался Военно-историко-бытовой музей и от невоенных музеев быта, многие из которых в начале 1930-х гг. оказались ликвидированы или перепрофилированы. Причиной сохранения военных музеев являлась растущая милитаризация общества. Новая империя нуждалась в музеях, служивших средством идеологического воспитания, историко-бытовые музеи на данную роль претендовать не могли.

Следует отметить также и важное символическое значение, которое имела передача коллекций в Артиллерийский музей. В течение 1930-х гг. во внутренней политике страны начали присутствовать тенденции по возвращению к имперской модели государственного устройства, которые можно проследить и в музейной сфере. Артиллерийский музей являлся одним из старейших военных музеев, и именно в его состав вошли коллекции Российской императорской армии, что позволяет говорить об исторической и культурной преемственности. Таким образом, завершились музейные эксперименты и поиски 1920-х гг., в числе которых были попытки разделить военные музеи на «разрушительные» (технические) и «созидательные» (бытовые). Они оказались объединены в дореволюционном императорском музее.

Оценки военно-музейного строительства в первые годы советской власти появились уже в начале 1930-х гг. В статье С. В. Полунина, вышедшей в 1932 г. в журнале «Советский музей», данное время (1918–1928 гг.) называется «периодом полного затишья». Автор

указывает, что «было не до музеев» [23, с. 42]. Не изменилось отношение к проблеме и в начале 1960-х гг. Е. И. Востоков негативно оценивает деятельность по сохранению военно-музейного имущества, видя в данных действиях попытку сохранения реликвий императорской армии, дворянства и российских монархов [24, с. 208]. Особенную угрозу советскому строю автор видит в попытках увековечить память о Первой мировой войне в виде музея. По его мнению, таким образом могло произойти отвлечение внимания от действительно важного события – установления советской власти [24, с. 209]. В конце 1990-х гг. начали появляться исследования, рассматривающие данную тему с другого ракурса [4].

В настоящее время вопрос о сохранении военно-музейного имущества в первые десятилетия советской власти и предпринятых попытках его репрезентации не теряет актуальности. Данная статья призвана осветить существующие лакуны в теме отечественных военно-бытовых музеев.

Библиография

1. Профильные группы музеев // Российская музейная энциклопедия [Электр. рес.] URL: http://www.museum.ru/RME/sci_profil.asp (дата обращения: 11.07.2023).
2. Баженов С. В. Перенесений коллекций войсковых музеев в государственные хранилища (январь-май 1918) // Сб. исслед. и мат. ВИМАИВиВС. Вып. 5. Л., 1990. С. 196–211.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1001. Д. 58.
4. Александрова Н. В. Российские военные музеи в первой трети XX в. : Дис. ... к.и.н. М., 1997. 244 с.
5. Военные музеи и фонды Петрограда // Музей. 1923. Вып. 1. С. 67–68.
6. Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (НА ВИМАИВиВС). Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 66.
7. НА ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 8.
8. Разгон А.М. Очерк истории военных музеев в России (1861–1917) // Труды НИИ музееведения. Вып. 7. М., 1962. С. 118–203.
9. НА ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 61.
10. НА ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 2.
11. Габаев Г. Ленинградские военные музеи и принципы военно-музейного строительства // Музей. 1924. № 2. С. 26–27.
12. ОР РНБ. Ф. 1001. Д. 54.
13. Анисимова М. В. Музей Главного интенданского управления (1868–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2022. № 4. С. 86–95.
14. НА ВИМАИВиВС. Ф. 41р. Оп. 1. Ед. хр. 10.
15. НА ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/17. Д. 6.
16. НА ВИМАИВиВС. Ф. 1р. Оп. 1. Ед. хр. 14.
17. НА ВИМАИВиВС. Ф. 1р. Оп. 1. Ед. хр. 145.
18. Косинский М. Ф. Первая половина века: Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1995. 417 с.
19. Кириленко Е. Ю., Галанова Н. В. Исторический отдел Артиллерийского исторического музея. Аспекты развития в первой половине XX века // Консервация, реставрация и экспонирование памятников военной истории. Вып. 14. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. С. 7–36.

20. Инв. № ВММ КП ОФ-30051/1-120.
21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 153.
22. НА ВИМАИВиВС. Ф. 1р. Оп. 1. Ед. хр. 134.
23. Полунин С. Военно-музейное строительство // Советский музей. 1932. № 6. С. 41–45.
24. Востоков Е. И. Из истории советских военных музеев // Труды НИИ музееведения. Вып. 7: Вопросы истории музейного дела в СССР. М., 1962. С. 204–239.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью "Феномен ленинградских военно-бытовых музеев в первые десятилетия советской власти"

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте рецензируемой статьи.

Методология исследования. Методологические основы исследования составили принципы историзма, объективности и системности.

Актуальность исследования. В настоящее время наблюдается большой интерес к музеям как к хранителям культурного наследия, истории страны, региона и т.д. Не меньший интерес представляет и сама история музейного дела в нашей стране, в которой нашли отражения многие исторические события истории нашей страны, опыт музейного дела, есть немалый интерес есть и к истории создания отдельных музеев, истории их возникновения, становления и т.д. В этой связи актуальность исследуемой в рецензируемой статье проблемы не вызывает сомнений.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна определяется также тем, что в данной статье впервые предпринята попытка изучения феномена ленинградских военно-бытовых музеев в первые десятилетия советской власти.

Стиль статьи научный, но есть элементы описательности и это делает статью доступной и понятной не только для специалистов, но и более широкого круга читателей. Структура работы логично выстроена и направлена на достижение цели работы. Автор статьи отмечает, что цель статьи «призвана осветить существующие лакуны в теме отечественных военно-бытовых музеев».

Автор статьи особое внимание музеям, входившим прежде в «состав военного ведомства. В царской России они составляли самую значительную группу, только количество музеев полковых частей превышало 300». В первые же годы советского периода эти музеи оказались в наиболее сложном положении, так как они были фактически предоставлены сами себе, что могло привести к тому, что экспонаты таких музеев могли быть утеряны. Благодаря усилиям специальной комиссии имущество этих музеев в течение 1918 года было сохранено и оказалось в подчинении Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен): Артиллерийский и Военно-морской музеи, а также Музей военно-морского училища. В тексте статьи представлены интересные данные о том, как развивалось музейное дело, о работе Секции по делам военных музеев, созданную при Музейном отделе Народного комиссариата просвещения, о проектах по созданию единого военно-исторического музея, плюсах и

минусах этих проектах, а также о третьем проекте, подготовленном работниками Секции в 1925 году, об инвентаризации музейного дела, вопросах финансирования и многих других вопросов.

Библиография статьи состоит из разнообразных источников по теме и смежным темам и большого корпуса документов по теме Научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Многие из этих документов вводятся в научный оборот впервые. Библиографический список насчитывает 24 источника. Библиография показывает, что автор исследуемую тему знает очень хорошо.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне работы над темой и полученных результатов.

Статья будет интересна историкам, работникам музеев, культурологам и широкому кругу читателей.